

Седьмая глава. Бедняжка

Как же жарко. Быть может, это душный ветер, влетающий в приоткрытое окно, путал мысли и мутил в глазах.

Лицо Цзи Цинье немного расплывалось перед глазами. Юноша вжался в кресло, боясь даже вздохнуть полной грудью.

На мгновение Ся Хуайяню показалось, что это лицо до боли знакомо, но как он ни старался, вспомнить не получалось.

В его памяти не было мужчин с такой внешностью.

Ся Хуайянь сидел в кресле, чувствуя на себе взгляд мужчины. Он смущенно облизал пересохшие губы — даже воздух, вырывающийся из его горла, казался раскаленным.

— Но... — нерешительно начал Ся Хуайянь.

— Не можешь?

Стоило ему промедлить хотя бы пару секунд, как Цзи Цинье тут же отрезал:

— Можешь уйти прямо сейчас.

Мужчина уже собирался подняться, как вдруг на письменном столе зазвонил стационарный телефон. Не взглянув на него больше ни разу, Цзи Цинье встал и взял трубку.

Тело юноши качнулось, он бессильно разжал пальцы и подался вперед.

Казалось, он переживал нечто ужасное: его спина слегка подрагивала, когда он стоял спиной к нему.

Всё было точь-в-точь как вчерашним вечером, и в то же время совсем иначе.

Цзи Цинье обошел письменный стол, остановился напротив Ся Хуайяня, поднял упавший лепесток и собрался выбросить его в урну.

Опираясь одной рукой о столешницу и слегка подавшись вперед, Цзи Цинье сосредоточенно и деловито разговаривал с кем-то по телефону, но под конец бросил быстрый взгляд на стоявшего неподалеку Ся Хуайяня.

У него больше не оставалось храбрости приблизиться. Пальцы судорожно вцепились в край одежды — отчаянно и беспомощно.

Прошло не больше двух секунд, как его пальцы крепко перехватили, а чей-то голос прозвучал с нарастающей тревожностью:

— Цзи-цзун...

Хрупкая фигурка юноши слегка сжалась в комок. Он опустил голову, обнажив белую, уязвимую шею.

Мужчина прошел мимо Ся Хуайяня, шагая чуть медленнее обычного.

Цзи Цинье отвел взгляд и, на секунду отвлечшись, быстро завершил разговор, который вполне мог бы продлиться еще пару минут.

Цзи Цинье не особо страдал от жары, к тому же его руки круглый год оставались ледяными. Даже в удушливую и влажную летнюю пору он обходился лишь приоткрытыми окнами, хотя ветер, залетевший в окна высотки, приносил с собой лишь зной.

Цзи Цинье с недоумением окликнул его по имени, а затем услышал глухой стон Ся Хуайяня — то ли от боли, то ли в ответ на его слова.

Легкое, теплое солнце падало на него, очерчивая его фигуру мягким золотистым сиянием.

Температура его тела неумолимо повышалась — то ли от ленивого ветерка из окна, то ли от прикосновения мягкой и горячей ладони к его собственным пальцам.

— Ся Хуайянь?

— ...

Нераспустившийся лепесток жасмина, сдутый легким порывом ветерка, теперь одиноко лежал на столе.

Ся Хуайянь не мог поверить, что этот с таким трудом доставшийся шанс вот так ускользает из рук, и тут же вскочил на ноги, но мужчина уже подошел к столу и снял трубку телефона.

Ладонь, сжимавшая его собственные пальцы, была пугающе горячей. Тело юноши покачивалось, казалось, он готов рухнуть в любую секунду, и выглядел он донельзя несчастным.

Цзи Цинье обернулся к нему: уголки покрасневших глаз бледного юноши были влажными, длинные ресцы мелко дрожали, а на щеках, кончиках ушей и носа проступал неестественный румянец.

Звонок раздался не вовремя, телефон трезвонил без умолку, отчего на душе становилось тревожно и муторно.

Цзи Цинье протянул руки и подхватил его, успев вовремя обхватить за талию.

Казалось, он был невероятно худ — даже после недавнего обеда талия была настолько тонка, что ее можно было обхватить одной рукой.

От человека в его объятиях исходил жар, и сквозь слои одежды чувствовалось, как пылает его тело.

Цзи Цинье замер.

Он и правда заболел.

Причем слёг с высокой температурой.

— От переутомления, да и стресс наверняка сыграл свою роль. Ничего страшного, пусть отдохнет, посидит на легкой пище, прокапается — и всё пройдет.

Юй Сяншань с трудом выкроил себе свободную половину дня, как вдруг раздался звонок от Цзи Цинье. Решив, что у того стряслось что-то серьезное, он сорвался с места, толком не успев присесть дома.

Кто бы мог подумать, что Цзи Цинье — человек, который почти никогда не болеет, а если и хворает, то переносит всё молча, — позовет его из-за какого-то сопляка.

К тому же из-за красивого мальчишки, которого Юй Сяншань отроду не видел.

Он бросил косой взгляд на Цзи Цинье, только что прикрывшего за собой дверь спальни, и как бы между прочим бросил:

— Если переживаешь, давай я сразу выпишу лекарства? Если к ночи температура не спадет, пусть примет жаропонижающее, а в крайнем случае придется свозить в больницу, так будет надежнее.

— Угу.

Юй Сяншань ожидал, что мужчина обвинит его в излишней болтовне и холодно отвергнет предложение, но Цзи Цинье лишь коротко угукнул, полностью доверившись медицинскому совету.

Вот уж странно.

Юй Сяншань сгоратил от любопытства. Рискую жизнью, он принялся строить ему глазки и с улыбкой поинтересовался:

— Что тут у вас происходит?

Не желая задерживаться у двери спальни, Цзи Цинье бросил на него короткий взгляд, повернулся к нему спиной и направился вниз.

Юй Сяншань был из тех людей, кого чужие шишки ничему не учат: возможность поиздеваться над Цзи Цинье оставалась его редкой радостью.

Раньше Цзи Цинье держал всех на почтительном расстоянии, вел себя надменно и холодно, словно изваяние из камня. Юй Сяншань даже думал, что этот дикий монах никогда не познает мирских чувств, но сейчас всё выглядело совсем иначе.

Упустить редкий шанс раздобыть хоть какие-то сплетни о Цзи Цинье он, конечно же, не мог, а потому последовал за ним:

— Я ради тебя отменил редкий выходной, примчался по первому зову, так что будь добр, объясни, что за парень в этой комнате?

Цзи Цинье ничего не ответил, опустился на диван и закурил.

Юй Сяншань присел рядом и с готовностью вытащил из кармана зажигалку, чтобы поднести огонь.

Цзи Цинье чуть откинулся назад, избегая прикосновения, и лишь когда оранжевый огонек с кончика зажигалки перекинулся на сигарету, поднял холодные глаза и сухо бросил:

— Выписывай лекарства.

Холодный, отстраненный тон и взгляд, словно перед ним пустое место. Получив такую порцию презрения, Юй Сяншань увял, с разочарованным видом откинулся на спинку дивана и безвольно свесил руки.

Он-то надеялся вытянуть из него хоть слово, но, судя по всему, зря старался.

Ладно уж, он изначально не верил, что из Цзи Цинье удастся выбить хоть какие-то слухи.

Если бы тот и вправду раскололся, это стало бы знамением конца света.

Пару секунд спустя, пока Цзи Цинье не вышел из себя, он живо подскочил с дивана и отступил в сторону:

— Пошел выписывать рецепт.

При этом он продолжал бормотать себе под нос:

— Болезнь пустяковая, можно просто послать кого-нибудь в аптеку.

Цзи Цинье, кажется, вовсе не слушал его разглагольствования — докурив сигарету наполовину, он замолчал.

Юй Сяншань ушел только тогда, когда капельница Ся Хуайяня полностью опустела. Вытащив иглу, он велел Цзи Цинье прижать место укола ваткой, чтобы остановить кровь.

— Рецепт скинул тебе на телефон, больше тут делать нечего, я поехал.

Бросив это, Юй Сяншань подхватил медицинский чемоданчик и уже собирался уходить, но на пороге сделал пару шагов назад, хлопнул Цзи Цинье по плечу и добавил:

— То, что я сказал про переутомление — еще мягко сказано. На прощание скажу прямо: не будь дикарем, который три года сидел без женщины, а дорвавшись, пытается наверстать упущенное за три года. Поумерь пыл, кто ж такое выдержит?

И еще: смотрю я на него, а парень-то температурит уже давно. Сам-то хоть замечай такое в следующий раз. Ладно, я свалил, будут вопросы — звони.

Цзи Цинье кивнул, и Юй Сяншань больше не стал задерживаться.

Цзи Цинье вел себя слишком странно. В том, что он делал, не было ничего сверхъестественного, но поскольку всё это исходило от самого Цзи Цинье, выглядело дико. Впрочем, это его личная жизнь, лезть в нее он не собирался.

У Цзи Цинье почти не было друзей, и лишь он сам да вечно сующий нос куда не надо Линь Нинмин держались к нему ближе остальных.

Троих друзей нельзя было назвать неразлучными с пеленок, но со средней школы они учились в одной школе. Цзи Цинье не выносил чужих прикосновений, и поначалу Юй Сяншаню удавалось замолвить с ним словечко лишь благодаря толстокожести.

Линь Нинмин же, хоть и был ветреным генератором безумных идей, по сути своей ничем не отличался от Цзи Цинье — такой же прожженный и расчетливый. То, что они находили общий язык, Юй Сяншаня ничуть не удивляло.

Но за все годы Юй Сяншань ни разу не видел рядом с Цзи Цинье кого-то постороннего.

Происхождение мальчишки, лежавшего сейчас в постели, оставалось тайной — раньше Юй Сяншань его не встречал и понятия не имел, кем тот приходится Цзи Цинье.

А этот записной трудоголик, обычно не вылезающий с работы, сегодня после полудня даже не поехал в офис — и то верно, зрелище небывалое.

Интересно, знает ли Линь Нинмин, кто этот прелестный юноша на постели Цзи Цинье?

Надо будет при случае спросить.

К полудню погода резко испортилась. Ясное и солнечное утреннее небо затянуло свинцовыми тучами, нависнув над высотками в самом центре делового квартала. Весь Юньчэн погрузился во мрак.

Вскоре хлынул ливень, и ветви деревьев за окном затрепетали под сильными порывами.

Летние дожди всегда начинались внезапно и яростно.

Ся Хуайянь проснулся от кошмара: за окном уже почти совсем стемнело, а струйки дождевой воды причудливо извивались и пересекались на оконном стекле.

В комнате царил сумрак, почти не проникало света, но с балкона было видно, как вдалеке огни уличных фонарей сливаются в желтоватое мерцающее море.

Ся Хуайянь попытался найти выключатель, но безуспешно. Шаря руками в темноте, он чувствовал, как страх в груди нарастает.

Он боялся темноты, а воспоминания из сна казались слишком реальными. Его колотила дрожь: он не понимал, где находится и что делает, а тело ныло от тупой боли.

Сознание путалось, а шум проливного дождя мешал понять, бредит он наяву или это

происходит взаправду.

Ся Хуайянь продолжал шарить в поисках выключателя. Его дрожащая рука неуверенно высунулась из-под одеяла, а холодные пальцы подрагивали.

Небо прорезала сине-фиолетовая вспышка, осветив всю комнату. Ся Хуайянь испуганно распахнул глаза, и в тот же миг оглушительно грянул гром.

В голове у Ся Хуайяня зашумело, оставаться в комнате больше не было сил, и он, спотыкаясь, бросился прочь.

Знакомая обстановка вернула его к реальности — он вспомнил, что находится у Цзи Цинье.

В коридоре горел свет, а гостиная тонула в полумраке, и было непонятно, есть ли там кто-нибудь. Страх сковал сердце еще сильнее.

С усилием отведя взгляд, он заметил полосу белого света, струящуюся из приоткрытой двери кабинета, и, не раздумывая, бросился туда.

Ему казалось, что кто-то преследует его по пятам. Станные образы из сна уже стерлись из памяти, но жуткое леденящее чувство только усиливалось с каждой секундой.

Ся Хуайянь побежал быстрее, но ноги на гладком полу двигались неуверенно, и он рухнул на пол.

Кое-как поднявшись, он кинулся к источнику света, толкнул дверь кабинета, и его сразу же окутал густой аромат жасмина.

В кабинете было двое.

Линь Фэн стоял перед письменным столом и о чем-то говорил с Цзи Цинье.

Ся Хуайянь, еще не до конца пришедший в себя, замер у порога, растерянно прижавшись спиной к стене.

Его руки нервно теребили подол одежды, а колени, выглядывавшие из-под коротких шорт, были густо усыпаны ссадинами.

Он затуманенным взглядом посмотрел на мужчин в кабинете, а затем медленно опустил голову.

Линь Фэн на секунду замолчал и бросил косой взгляд на Цзи Цинье.

Понимая, что их разговор придется прервать, он произнес:

— Цзи-цзун, тогда я пойду.

Цзи Цинье ничего не ответил. Линь Фэн аккуратно собрал бумаги со стола и вышел из кабинета.

Проходя мимо Ся Хуайяня, он постарался ступать тише, чтобы не напугать юношу, и бесшумно прикрыл за собой дверь.

Ся Хуайянь по-прежнему стоял на прежнем месте, опустив голову, сведя босые ступни вместе и сжавшись в комок.

— Подойди.

Голос Цзи Цинье прозвучал чуть суховато. Он потер пальцами виски и увидел, что Ся Хуайянь медленно поднял голову — две слезинки безо всяких на то причин скатились по его щекам и упали на острый подбородок. Выглядел он донельзя жалко.

Ся Хуайянь испуганно и робко замер на месте, но тут услышал, как Цзи Цинье тихо вздохнул. В этом вздохе странным образом угадывались нотки человека, пытающегося успокоить капризного ребенка:

— Подойди сюда.

В суровом голосе слышалась скрытая, невидимая нежность.

<http://bllate.org/book/22055/2293383>